

„Московский комсомолец“
1961, Число

ЩЕДРОСТЬ

ИДЕТ СМОТР АРТИСТИЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ СТОЛИЦЫ

ЭТА история могла случиться сто лет назад. Потому что и сто лет назад были войны, и не возвращались с войн солдаты, и молодые вдовы оставались с детьми на руках, и уходило тепло из домов, и женское сердце старилось в ожидании счастья.

Сразу не определишь время в пьесе Иона Друца «Каса маре», не скажешь, когда произошла история о том, как полюбила вдова Василица, хозяйка «каса маре», что по-молдавски значит — горница, светлица, самого непуतेвого на селе парня Павэлаке. Как зацвела их любовь жарким недолгим цветом. Как Василица отпустила Павэлаке, хоть и берегла свою последнюю любовь, словно черешня цветок, когда он весь осыпался и остался один только розовый лепесток.

Написанная в традициях народной драмы, «Каса маре» говорит языком певучим и красочным, пересыпает афоризмами, пословицами, поговорками, цветистыми сравнениями, подсказанными солнечной природой Молдавии.

И не нужно обладать особой пронзительностью, чтобы почувствовать, как увлечен режиссер В. Львов-Анохин, поставивший «Каса маре» на сцене Центрального театра Советской Армии, этой переполненной чувствами пьесой. Этой формой пьесы — далеко не современной, причудливой и простой, словенародный орнамент, вышитый пестрыми шелками на суровом дототанном холсте.

И мы, увлеченные вместе с режиссером, следим за неторопливым и напевным течением слов, любимым пластичной спектакля, ощущаем его поэтическую символику.

Если учесть также, что спектакль на редкость богат характерами, что в нем заняты превосходные актеры — Л. Добржанская (Василуца), Р. Ракитин (Ион), В. Ратомский (Нистор), А. Петров (Фанчик), талантливая молодежь — М. Скуратова (София) и Б. Петелин (Павэлаке), то у нас уже достаточно оснований, чтобы судить о постановке «Каса маре» как о безусловно интересной новой работе театра и режиссера В. Львова-Анохина.

Но вот одно обстоятельство. Режиссер, спектакли которого прежде всего отличало чувство современности — очень «свое», индивидуальное, но всегда бьющее в цель, на этот раз обратился к пьесе, казалось бы, далекой от волнующих вопросов наших дней.

Что определило выбор режиссера? Увлечение талантливо рассказанной историей любви или что-то другое? И не выглядела ли «Каса маре» случайной гостьей на смотре артистической молодежи, проходящем сейчас в Москве, среди спектаклей, основная тема которых — современность?

Нет. Выбор пьесы, пожалуй, даже закономерен для Львова. В «Каса маре», как и в прежних его работах, мы улавливаем скрытый, но на-

пряженный пульс современности. Только здесь понятие «современность» гораздо шире. Искать ее нужно не во внешних, мало значимых признаках.

«Каса маре — не дом для житья, это похитрее», — говорит старый Ион, отец Василицы. И сама пьеса эта «похитрее», не просто рассказ о любви.

Борис Львов любит гранит, оттачивать рисунок спектакля, задерживаться на деталях. Пристальная, ювелирная работа режиссера в «Каса маре» не удивляет. Но чем дальше идет действие, тем определеннее ощущение, что это любовные оттенками, игра полутонов, яркая краска у самых проходных персонажей не объясняется одной лишь особенностью режиссерской манеры.

ТЕАТР

Мы вдруг замечаем, какие узловатые, будто натруженные, ветки яблонь за окнами Василицы (художник М. Мукосеева). Как опустились они до земли, щедро осыпанные цветами.

Видим красно-красно выкрашенные наличники и широко, щедро распахнутые окна и двери. Чтобы песни входили в дом, чтобы люди входили в дом. Потому что есть в этом доме и хлеб, и соль, и вино, и вода, такая прозрачная и такая холодная, что целый день копишь жажду, чтобы вечером напиться.

Здесь периница слышна — сумасшедшая периница, не то песня, не то танец без конца и начала.

Здесь инвалид Петре (И. Рябинин) придумывает письмо. Оно длинное-длинное. В нем советы на все случаи жизни, чтобы не горевала Василица, чтобы не боялась радоваться, чтоб станцелала в своей нарядной «каса маре» периницу. И хоть знает Василица, что все придумал Петре, однако слушает письмо и просит вспомнить еще и благодарит Петре за ложь, потому что она, эта ложь, от чистого сердца, от щедрого сердца.

Здесь незадачливый Фанчик (А. Петров) утешает фельдшерину Элеонору (Г. Островская), которая все помнит свою свадьбу, и четыре скрипки на свадьбе, и свое белое платье. Утешает и вдруг верит сам, что все повторится — и свадьба, и цветы, и скрипки. И все повторяется, потому что утешал Фанчик и верил всем сердцем, щедрым сердцем.

Здесь все важно — ветви яблонь, платье Элеоноры, длинное письмо Петре, смешная, неожиданная-негаданная любовь Фанчика и его мечты о сыночке.

В «Каса маре» нет фона. Мозаика, незаметно и неторопливо собранная режиссером из второстепенных деталей, отдельных слов, мимолетных встреч и характеров, разворачивается вдруг боль-

шим полотном. Оно вбирает в себя историю любви Василицы и Павэлаке. И уже о другом рассказ — о людской красоте, о щедрости людских сердец.

Перед нами прежний Б. Львов — с его тонкостью и камерностью художественного выражения, эстетизмом в лучшем смысле слова, влюбленностью в красоту. Перед нами новый Б. Львов. Более зрелый, более строгий. Ибо только зрелый и строгий художник мог отказаться от соблазнительной возможности ограничить спектакль историей любви двоих.

На щедрой земле живут щедрые, красивые люди. Знакомо красивые люди. В характерах этих людей — точный адрес «Каса маре» во времени. Такие люди не могли жить сто лет назад, они живут сегодня.

И среди них, быть может, самая красивая и щедрая — Василица.

Образ Василицы в исполнении Л. Добржанской венчает весь спектакль. Человек, полный достоинства и притягательной женской душевности, Василица не из тех, кого забывают. Она многому научила Павэлаке. Он уходит, у него будет новая жизнь, потому что ее годы и его молодость встали между ними. Но еще долго она будет с ним. И с нами. Неторопливая, с властной традицией движений, с обезоруживающим, детским неумением лгать, с этой отчаянной смелостью и умным юмором.

Она и вправду может подарить возлюбленному на прощание четыре скрипки, что слышны за окном, периницу без конца и начала, ясное небо и старую добрую землю со всем, что растет на ней и что должно еще вырасти.

Она может сделать такой подарок. И люди вокруг нее тоже могут, потому что их сердца, как их дома, открыты песне и ветру, и яблоневым лепесткам, и чужим горестям и надеждам.

В. МАКСИМОВА.